

ПОСЛУШАЙТЕ!

Журнал и сценка - 1993 - 18-25 февр. (№ 6) - с. 3

## Поет Шалыпин

«О, где же вы, грезы любви...» Куда ушли светлые дни? Были они или не были? Радость и печаль сливаются воедино, рождая чувство, которое едва ли кто знает как назвать.

И так — что бы ни пел: «Элегию» ли Массне, «Ноченьку» ли, другую ли песню, другой романс.

А царь Борис? Нет, это пример не из истории искусства, это пример того, как искусство делает историю зримой, осязаемой. Словно крутые каменные ступени под ногами, и спускаешься в глубь веков, и тянет холодком, и жуткий мрак, и вот открывается наконец тяжелая, окованная медью дверь. И это в опере — условнейшем из всех искусств!

С условностями было покончено. Голос «преодолеет» музыку, вышел из проложенного ею русла, и слова зазвучали удивительно естественно и свободно. Молодые певцы даже спрашивали его, правда ли, что иные фразы он не поет, а проговаривает. Он отвечал: «Многим кажется, что я иногда не пою. Я пою всегда, даже

когда говорю... Это — секрет пения и закон искусства: хочу, чтоб казалось».

Разумеется, он жил в музыке, разумеется, он пел, но как надо было петь, чтобы «музыка говорила, а слово пело» (его выражение). Не к этому случаю написал Мандельштам, но все же:

Она еще не родилась,  
Она и музыка и слово,  
И потому всего живого  
Ненарушаемая связь.

Останься пеной, Афродита,  
И, слово, в музыку вернись,  
И, сердце, сердца устыдишь,  
С первоосновой жизни слито!

Первоосновой была Россия, все, что скрывается под этим понятием. А что скрывается? Заглянем в себя — какой вихрь, не распадающийся на отдельные слова и образы, пронесется в душе. Перелистаем страницы русской литературы. Или послушаем Шалыпина... В эти дни, когда ему исполнилось бы 120 лет.

Наталья ШАДРИНА.